

Джеймс Скотт, «невидимое» пространство и нечерноземная деревня¹

А. А. Смирнова

Александра Андреевна Смирнова, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоэкологии, Тверской государственный университет. 170021, Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: Fomkina.AA@tversu.ru

EDN: FTCWPJ

Аннотация. Статья посвящена развитию концепции «безгосударственных пространств» американского антрополога Джеймса Скотта применительно к современной сельской местности Нечерноземья. Рассматривается интеллектуальное наследие Скотта, акцентируются ключевые для географии идеи. Раскрывается дихотомия «государственного» и «безгосударственного» пространств с выделением их конститутивных признаков. К последним отнесены плотность населения, сельскохозяйственная специализация, точность бюрократического учета. Статья продолжает идею об особой «оптике государства» — упрощенном видении территории, которое формируется в официальном дискурсе. В качестве примера мест, оказывающихся «невидимыми» для российской статистики, выбраны сельские пункты «без населения», количество которых отражается в итогах государственной переписи. Облик деревень, попавших в эту категорию, сильно различается от места к месту. Одни представляют собой пустоши, до которых невозможно добраться, другие нельзя отличить от обитаемых деревень: там есть сезонные жители, преимущественно горожане.

Области Нечерноземья являются лидерами по числу пунктов «без населения» в силу природных особенностей, истории освоения и современных социально-экономических процессов. Опыт исследований в Тверской области позволил выделить основные механизмы «видимости» таких пространств: непосредственное наблюдение, анализ данных дистанционного зондирования Земли, интервью с экспертами на местах. В качестве последних выступают главы сохранившихся сельских поселений или специалисты территориальных отделов. Однако наличие органов власти на местах еще не означает знания о территории: многое зависит от конкретного специалиста, его инициативности, компетенций, метиса. На примере деревень бывшего Алферовского сельского поселения Калязинского муниципального округа показано, как меняется численность населения с притоком сезонных жителей и какие проблемы возникают из-за недоучета дачников.

Ключевые слова: Джеймс Скотт, государственные упрощения, государственное пространство, государственное видение, Нечерноземье, сельская местность, пункты «без населения», дачная ревитализация

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 24-77-00043

ТЕОРИЯ

Работы американского антрополога и социолога Джеймса Скотта широко известны в России. Еще до выхода русскоязычных версий книг идеи Скотта получили распространение, в первую очередь благодаря Теодору Шанину и последователям созданной им «крестьяноведческой» школы — Александру Никулину, Ирине Троцук, Валерию Виноградскому. В 1992 году в хрестоматии «Великий незнакомец», составителем которой выступал Теодор Шанин, были опубликованы два небольших фрагмента из двух главных к тому времени книг Скотта — «Моральной экономики крестьян» 1976 года и «Оружия слабых» 1985 года. В 1999 году, почти сразу после публикации в свет новой книги Скотта в 1998 году, в «Социологическом журнале» вышла рецензия на нее от Александра Никулина (1999). О последней книге, не успевшей выйти в свет при жизни автора, мы также узнаем благодаря обзору, написанному соратником Скотта по исследованиям крестьянства (Никулин, 2025). Ирина Троцук выполнила перевод двух работ Скотта — «Искусство быть неподвластными: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии» (Скотт, 2017) и «Против зерна» (Скотт, 2020). «Орудия слабых» — так называется монография Валерия Виноградского (2009), в основу которой легли собранные автором в рамках двух крестьяноведческих проектов 1990-х годов многостраничные тексты интервью с сельскими жителями. К работе Скотта отсылает не только название, но и сама логика исследования.

Бегство от государства, скрытые формы крестьянского сопротивления, государственные провалы — выступая, по меткому выражению А. М. Никулина, на стороне слабых и пчёл, Скотт в своих работах показывал несовершенство государственных проектов, преимущества кочевого образа жизни, силу практического знания крестьян.

Творческий путь Джеймса Скотта довольно интересен — он писал, что в «прошлой жизни» был политологом. Потом случился его «брак с антропологией» (Scott, 2005), когда он почти два года провел в малайзийской деревне, изучая крестьянские практики борьбы и сопротивления «зеленой революции», насаждаемой государством, крупным бизнесом и международными организациями. Написанная по итогам экспедиции в Малайзию книга обрела широкую известность, «Weapons of the Weak» цитируется на Google Academy почти 26 тысяч раз. На рубеже тысячелетий Скотт разбирался с логикой государственной власти и жизненными практиками безгосударственных народов.

Антропологические по своей оптике и политические по идейной направленности книги Скотта представляют ценность и для географов. Во-первых, они насыщены описаниями разных стран и регионов; во-вторых, Скотт напрямую рассуждает о территориальных/

пространственных аспектах жизни людей; в-третьих, для объяснения он часто использует картографические изображения исследуемой местности. Об интересе коллег-географов свидетельствуют и публикации (Ламской, 2025).

Одно из центральных понятий во многих трудах Скотта — «государство». «Эффекты государства», «государственные проекты», «государственное строительство» — эти и другие производные концепты составляют узнаваемый терминологический аппарат автора. Основная черта, которая формирует узнаваемый язык автора, это его «оживление» государства. Государство у Скотта «выживает», «изобретает», «оккупирует», «собирает», обладает особым видением.

Такое представление о государстве — как о некой особой сущности и субъекте действий — не раз подвергалось критике. Упреки в наделении государства слишком большой властью и игнорировании других политических институций (Klausen, 2021), в нехватке других перспектив («углов зрения») и «видения» отдельных государственных служащих (Herzfeld, 2005; Smith, 2021) — содержательные дискуссии сопровождали выход каждой книги Скотта.

Отвечая на эти и другие возражения и замечания коллег об излишней антропоморфизации государства, Скотт признавал себя «виновным» (Scott, 2021). Свою позицию он объяснял желанием понять, каким образом система административного порядка накладывается на «гораздо более сложную и беспорядочную реальность», и это желание привело к игнорированию действий конкретных субъектов — представителей государства (сборщиков налогов, полицейских и т. д.).

Не ставя перед собой задачу разобраться в теоретических основах такого взгляда на государство — Скотт, как писал Кирилл Титаев (2006), умышленно контртеоретичен — и соглашаясь со Скоттом в его решении наделить государство особой оптикой, рассмотрим этот государственный взгляд по отношению к пространству (понимаемому в узком смысле как синоним «территории»).

В наибольшей степени дихотомия двух пространств — государственного и безгосударственного — раскрывается в книге «Искусство быть неподвластным», где Скотт анализировал феномен Зомии. Зомией называют особое территориальное образование, располагавшееся в Юго-Восточной Азии и занимавшее сопредельные высокогорные районы нескольких государств (Китай, Индии, Мьянмы (Бирмы), Вьетнама, Таиланда). Жители этих районов большую часть своей истории избегали государственного контроля и подчинения властвующим элитам. В этой книге Скотт, опираясь на многочисленные исторические работы и, по его словам, «как будто превратившись» в историка, попытался раскрыть альтернативное видение исторического пути народов. Суть этого иного пути развития заключается в манифестации безгосударственности как целенаправленного и осознанного выбора людей. Разберемся в тех

особенностях, которые Скотт относит к конститутивным признакам двух пространств.

Первый признак, по которому можно провести различие между государственным и безгосударственным пространствами, — концентрация населения, это «ключ ко всему», основа государственной власти. Оседлость — это древнейший государственный проект, который встроен в саму архитектуру государства (Скотт, 2020). Именно посредством закрепления крестьян на земле правителям удавалось обеспечивать достаточную численность и плотность населения, чтобы в случае надобности мобилизовать имеющиеся в их распоряжении человеческие ресурсы. Мечта для любого правителя, или идеальное государство — это «высокая плотность оседлых земледельцев, которые ежегодно производят значительные излишки зерна» (Скотт, 2017: 106).

Соответственно, для безгосударственных пространств характерны территориальное рассеяние жителей, временной характер самих поселений, их небольшой размер, низкая плотность. Высокая мобильность населения, или «текучесть», также названа Скоттом в числе сущностных черт тех территорий, которые остаются за пределами непосредственного государственного влияния.

Различия в плотности населения обусловлены главным образом природными факторами. Государственный центр на равнине vs «неподвластная» периферия в горах — одна из основных дихотомий, выделенных Скоттом в истории Зомии. Однако это не значит, что важно именно наличие указанных особенностей рельефа. «Безгосударственность» возникает и в других физико-географических районах — болотистых, затопленных, засушливых, пустынных. Главное условие — их труднодоступность.

Второй признак тоже географический. Это сельскохозяйственная специализация и даже — шире — род занятий жителей. В условиях Юго-Восточной Азии именно поливное рисоводство обеспечивало возможность реализации оседлого образа жизни в наилучшем виде. Следствием подобной монокультурной специализации стало единообразие социального и агроэкологического ландшафта (в терминах Скотта). Единообразие проявлялось на разных уровнях. Для крестьян это означало сходство жизненных циклов (процесс выращивания риса) и одинаковая зависимость урожая от природных факторов. Это также приводило к унификации культурных норм (ритуалов и обменов). Специфика риса заключается в том, что он (как и другие зерновые) «лучше “видны” государству» и легче изымаются (Скотт, 2017: 75). Поливное рисоводство подразумевало строительство ирригационных систем (плотин, каналов, шлюзов), которые также часто были государственными проектами.

За насаждаемой государством монокультурной специализацией сельского хозяйства стоит не желание сделать его эффективным или устойчивым, а скорее — легко контролируемым и присваиваемым. Подобную цель преследовали и другие государства,

сильно контрастирующие по условиям с доколониальной Юго-Восточной Азией. В частности, Скотт говорит о «коллективных хозяйствах социалистического блока», которые тоже были задуманы как «оптимальные форматы учета и присвоения агропродукции» (Скотт, 2017: 120).

Для бюрократических служб (кадастровых, налоговых и др.) единообразие в типах использования земель и в предсказуемости времени получения урожая облегчало работу по учету и контролю государственных ресурсов. Бюрократизация, организованная система учета и контроля — это еще одна линия, по которой можно развести два типа пространств. Здесь Скотт тоже пользуется географическим объяснением для различия «государственного» и «безгосударственного». Проблема сбора данных о конкретном населенном пункте и количестве домохозяйств, облагаемых налогом, обострялась по мере удаления от центра. Чем менее продуктивным и более дифференцированным становился ландшафт, тем менее заинтересованными в получении информации о нем были соответствующие бюрократические службы.

Помимо статистических сводок одновременно источником и результатом сбора государственных сведений были карты. «Попасть на карту» значит стать государственным подданным. Сам Скотт уделяет довольно много внимания различным методам картографирования, показывая «заблуждения», которые несут общегеографические карты, составленные для территорий со сложным горным рельефом. Фактически он продвигает идею карт-анаморфоз, получивших большое распространение в географических исследованиях в 2000-е в связи с появлением и развитием ГИС-технологий. В целом здесь проблема не в самих картах, а в том, насколько близко к реальному положению дел то явление, которое они отображают.

Понятно, что с развитием техники и технологий подобных Зомии мест на Земле становится все меньше, однако безгосударственные пространства вряд ли исчезнут, так как всегда будут зоны, выпадающие из-под контроля государств или их союзов по ряду причин (отсутствие ценных природных ресурсов, высокая стоимость освоения и др.). Хотя сам Скотт не был столь уверен в этом, говоря, что тот мир, который он «пытался понять и описать, стремительно исчезает», и «ускользнуть от Левиафана» скоро будет невозможно — настолько освоенным и заселенным будет мир (Скотт, 2017: 470). Отчасти это заявление связано с ускоренным «развитием» Зомии, где во второй половине XX века наблюдался демографический и миграционный бум.

Чем сегодня нам может помочь описание безгосударственности, показанное на примере реконструкции исторического прошлого горных районов Юго-Восточной Азии? Ценность Зомии как современного и актуального концепта возрастает, если расширить данное Скоттом представление о пространстве и воспользоваться его метафорой особенной «оптики государства».

А. А. Смирнова
Джеймс Скотт,
«невидимое» пространство и нечер-
ноземная деревня

Эта метафора, отражающая наличие у государства своего специфического «взгляда», — одна из тем, часто обсуждаемых в связи со Скоттом (Самодин, 2012). Упрощение — одна из главных черт, характеризующих государственную точку зрения, государственное знание (Никулин, 2024). Стандартизация измерений, абстрактность схем, ограниченность кадастровых сведений, универсальность статистических сводок — эти и другие особенности сбора данных формируют упрощенное (местами — деформированное) восприятие государством освоения пространства: «Государственные схематические упрощения, такие как карты, переписи, кадастровые списки и стандартные единицы измерения, представляют собой способы отражения многообразной и сложной действительности, нужные для того, чтобы чиновники могли постичь общую картину и упростить сложную действительность до схематических категорий» (Скотт, 2005: 127).

В метафоре «оптики государства» (Кузьминов, 2012; Самодин, 2012) безгосударственные пространства — те, которых «не видно» или «видно особым образом» (опосредованно). Поскольку государство имеет дело с артефактами (статистическими списками, картами, кадастрами), отсутствие и/или невозможность собрать такие материалы по безгосударственным пространствам делают их почти невидимыми, а представление о них в официальном дискурсе — искаженным. В итоге подобные «лакуны» возникают внутри законодательно закрепленных административных границ.

Пункты «без населения» и способы их видения

Поиск таких мест — выходящих за пределы государственного видения — нетривиальная задача. Один из интересных примеров — это пункты «без населения», которые можно отнести к безгосударственным пространствам, по терминологии Скотта. Сведения о количестве сельских населенных пунктов (СНП) публикуются в официальных итогах проводимых государством переписей населения. Группировка СНП по людности традиционно включает в себя такую категорию, как пункты «без населения». Государственные статистические службы видят такие места как обезлюдившие. Однако эти пункты не всегда оказываются таковыми. Они представляют собой необычный феномен для исследования, так как облик деревень, попавших в эту категорию, сильно различается от места к месту. Одни представляют собой пустоши, до которых невозможно добраться, другие — нельзя отличить от обитаемых деревень, и, несмотря на фиксируемое официальной статистикой отсутствие постоянного населения, там есть сезонные жители, преимущественно — горожане.

Регионы Нечерноземья являются лидерами по количеству таких мест. Природные особенности, давняя история освоения, со-

временные демографические и социально-экономические процессы в достаточной мере объясняют это лидерство. Как и то, что есть определенные закономерности, интерпретирующие дифференциацию пунктов «без населения». Ранее к ключевым признакам, которые наиболее ярко показывают различия в их облике, были отнесены географические характеристики местоположения: близость к рекам и водоемам, прицентровое положение, транспортная доступность. Именно среди деревень, обладающих одной или несколькими указанными чертами, выше доля тех пунктов, что оказываются обитаемыми вопреки их статусу «без населения» (Смирнова, Лебедев, 2026).

Есть не так много способов того, как сделать их «видимыми». Один из наиболее очевидных — непосредственное наблюдение на месте. Благодаря выездам в конкретные деревни «без населения» можно увидеть, в каком состоянии сохранились дома, оценить, куда приезжают жители и какие занятия ведут (рис. 1). Это традиционный метод для изучения дачного населения (Между домом... и домом, 2016), позволяющий получить реальное представление о сезонной обитаемости того или иного места. Проблема в том, что посетить все пункты «без населения», чтобы выяснить, какие из них дачные, — неосуществимая задача. Здесь дело не только во временных и финансовых трудностях, возникающих в любом полевом исследовании, сопряженном с поездками. Многие из пунктов «без населения» нелегко найти на карте, до некоторых зачастую не добраться на машине.

Рис. 1. Примеры домов в пунктах «без населения» Тверской области (слева — д. Дятлово Кувшиновского района, справа — д. Гудково Калининского района)

С помощью современных технических средств и новых технологий можно расширять полигон исследования и увеличивать число обследуемых деревень. Снимки с квадрокоптеров (Баскин и др., 2022) и космических спутников (рис. 2) не заменяют наблюдение, но позволяют увидеть в другом масштабе разнообразие мест, которые скрыты за общей номинацией «без населения». Так, исследования по Тверской области, где использовались данные дистанционного зондирования Земли, показали, что пятая часть из всех пунктов, которые были отнесены по переписи 2010 года к категории

«без населения», могут быть названы обитаемыми. На их снимках отчетливо просматривались дома и прилегающие участки (Румянцев и др., 2019). Однако и эти методы нельзя считать универсальными — административные ограничения на аэросъемку и невозможность ее проведения в труднодоступных районах, а также низкое качество космических снимков на сельскую местность не могут дать всей полноты картины.

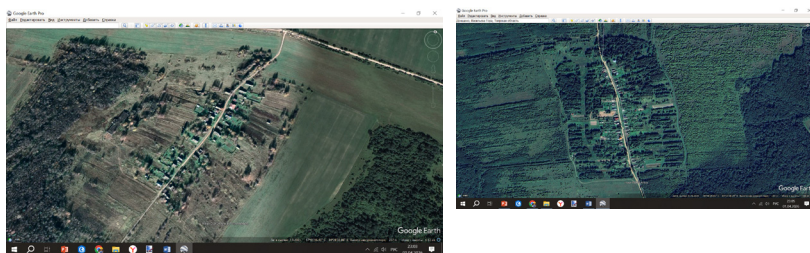

Рис. 2. Примеры космоснимков пунктов «без населения», по данным Google Earth (слева — д. Вороново Кувшиновского района, справа — д. Доншино Торжокского района)

Еще одним способом «увидеть» пункты «без населения» — это беседы со знающими людьми, которыми выступают главы сельских муниципалитетов (там, где сохранилось внутрирайонное муниципальное деление) или специалисты территориальных отделов (организованных на месте упраздненных сельских поселений). Интервью, с одной стороны, дает возможность узнать о большей территории, чем при непосредственном посещении каждой деревни. С другой стороны, зачастую это более надежный источник, чем космические снимки, потому что последние имеют разные даты съемки и данные могут быть неактуальными. К тому же только в разговоре можно узнать дополнительную информацию о том, кто приезжает в официально пустующие населенные пункты и какие проблемы возникают в такой ситуации.

Не только наличие сельской власти на местах — в качестве самостоятельного органа местного самоуправления или территориального отдела — является залогом успешного установления реального состояния пунктов «без населения». Многое зависит от знаний конкретного управленца/специалиста. Здесь тоже уместно вспомнить Скотта и еще один концепт, связанный с его именем. Это понятие *метиса*, или практического знания. Хотя Скотт игнорирует метис муниципальных служащих (за что тоже не раз получал критические замечания), он много внимания уделяет развитию идеи об обладании некоторым знанием, которое не укладывается в официальные инструкции, а исходит из местных условий и потребностей. Как оказывается, именно благодаря метису некоторые представители сельской власти знают о реальной картине расселения

на подконтрольной им территории. Для исследователя это может быть чистой случайностью и удачей — встретить знающего специалиста, который доступными ему способами собирает информацию о численности проживающих.

Пример такого везения — это бывшее Алферовское сельское поселение с центром в д. Алферово, где сегодня работает один из территориальных отделов Калязинского муниципального округа Тверской области. Поселение, как и весь район, отличается большой рекреационной привлекательностью, в первую очередь благодаря живописным местам по берегам рек Волги и Нерли. Соседство с Московским столичным регионом и, как следствие, высокая степень дачного освоения района приводят к тому, что среди многих пунктов, потерявших постоянное население, велика доля тех, ктоживает благодаря сезонному населению.

В поселении 67 СНП с общей численностью проживающих чуть более 1,6 тысячи человек. Согласно официальной статистике, 12 пунктов относятся к категории «без населения», еще 26 имеют людность от 1 до 10 человек. То есть больше половины всего массива — это опустевшие и мельчайшие деревни. Однако такое представление, базирующееся на номинальной численности жителей, оказывается неверным. Потому что оно не учитывает сезонное население, роль которого в условиях продолжающейся сельской депопуляции оказывается все более существенной.

По оценкам администрации, численность жителей в поселении в летнее время возрастает почти в 5 раз. Подсчеты дают приблизительное число в 8 тысяч человек. Из указанных 12 СНП «без населения» реально обезлюдевшими оказываются лишь 2 деревни. В остальных 10 пунктах сезонное население составляет от 5 до 68 человек. В некоторых небольших деревнях, наиболее удачно расположенных в долине Нерли или Волги, число сезонных жителей увеличивается на несколько сотен человек (рис. 3).

Эти цифры — не официальная статистика, а приблизительная оценка местной администрации, специалисты которой заинтересованы в том, чтобы знать реальную картину расселения, и используют разные инструменты для ее получения. Их методы — и полевые, и дистанционные. Работа с публичной кадастровой картой, где есть сведения о межевании участков, организация сети старост и поддержание коммуникации через переписку в мессенджерах — вот главные источники информации о территории и проживающих на ней. Основания для такого интереса со стороны местных властей понятны: это оперативное решение инфраструктурных вопросов, которые усложняются с увеличением сезонного населения.

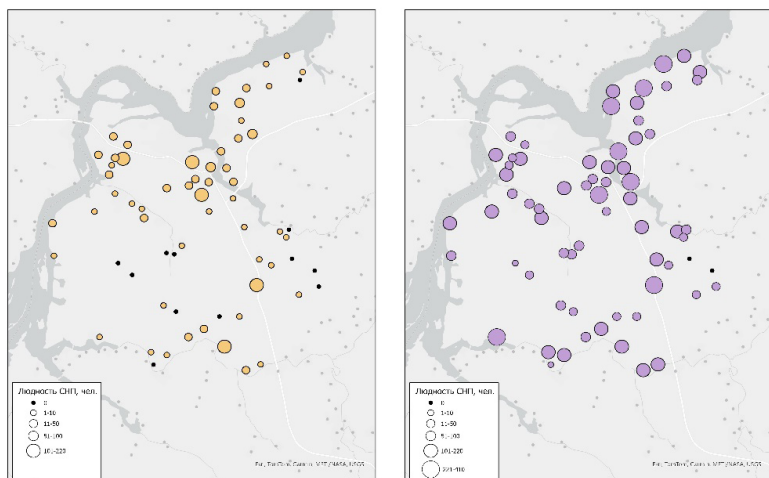

Рис. 3. Численность населения в деревнях Алферовского сельского поселения: слева — постоянное; справа — постоянное + дачное

Главная проблема — организация сбора и вывоза мусора. С учетом рекреационной привлекательности района нагрузка возрастает не только за счет дачников, но и туристов, выбирающих как организованные места отдыха, так и «дикие». *«Мы тонем в мусоре... Бункер восемь кубов зимой вывозится один раз, в летний период раз в неделю не успеваем вывозить»*. Получить сведения о количестве домохозяйств, которым можно предъявить квитанцию об оплате услуг по вывозу мусора, помогают старосты деревень, которые зачастую не живут в поселении постоянно, а лишь приезжают на сезон.

Установка контейнерных площадок — затратное мероприятие в условиях постоянной нехватки муниципального финансирования. Одним из действующих инструментов получения дополнительных региональных средств на местные нужды — Программа поддержки местных инициатив (ППМИ), действующая в Тверской области с 2013 года. Проблемы с водоснабжением, освещением, благоустройством являются одними из самых популярных направлений по реализации проектов ППМИ, и пригородное Алферовское СП заметно по числу побед в конкурсном отборе Программы (Смирнова, 2020). Поскольку одним из условий реализации проекта ППМИ является софинансирование со стороны жителей, здесь опять на помощь приходят старосты деревень. Связь с помощью чатов позволяет оперативно обмениваться информацией — со стороны администрации сообщать, в первую очередь, о чрезвычайных ситуациях (*«если горим — сразу информацию размещаем»*), со стороны жителей — через старост доносить жалобы (*«нет деревень, где нет недовольных»*).

Один из самых распространенных запросов — это ремонт дорог, транспортная доступность в сочетании с привлекательностью ландшафтов являются значимыми факторами в сохранении сети сельского расселения. Однако встречаются и исключительные случаи, когда *«есть деревни, дорог в которых нет, и они не просят»*, добраться до таких мест можно по воде или на специальной технике (вездеходах). Есть случаи, когда потребность в дороге есть, но ее невозможно отремонтировать, так как она ведет к пункту «без населения». У сезонных обитателей деревни может быть много нужд, но в системе распределения муниципального бюджета они оказываются «невидимыми». И даже если сельская администрация знает о проблемах, решить их не может из-за отсутствия таких механизмов.

Поскольку Калязинский район отличается близостью к Москве и обладает известными природными аттракторами, значительная часть приезжающих сюда — московские дачники. Многие из них имеют собственные ресурсы для решения инфраструктурных проблем деревни, но нужна координация усилий и организация процесса. *«Московские жители сами скидываются и ремонтируют себе дорогу, но опять — если есть старосты, которые это организуют»*.

Таким образом, пункты «без населения» — это крайний случай ситуации, когда идет речь об учете сезонного населения. Масштабы дачного явления в России всегда были высокими, в последние десятилетия — только увеличиваются в связи с ростом мобильности населения, доступности сельской недвижимости, популярности дачного образа жизни.

Заключение

Несмотря на то что главным «полигоном» исследования для Скотта стал довольно экзотичный регион — Юго-Восточная Азия, и многое в его рассуждениях имеет конкретную пространственную и временную привязку, основные выводы концептуально применимы в наши дни.

В данной статье предпринята попытка развить представление Скотта о безгосударственных пространствах, которые обладают рядом универсальных черт независимо от географической привязки или исторического контекста. Одна из таких черт — искаженное (неточное) видение территории, возникающее в государственном дискурсе. Пункты «без населения» наиболее ярко демонстрируют это искажение. Они оказываются «невидимыми» для исследователей, журналистов и чиновников, ставящих знак равенства между этой группой СНП и обезлюдевшими/исчезнувшими деревнями.

Расхождения между статистическими сведениями и реальной картиной — известный сюжет, как и тот, когда не удается охва-

тить государственной статистикой все многообразие местных условий. Об этом, в частности, писал Скотт в «Оружии слабых», анализируя те последствия перехода к «двойным урожаям», которые не попали на страницы официальных отчетов, но оказали большое влияние на жизнь людей. Так же и сезонные пульсации населения часто не попадают в регламентирующие документы.

Развивая тезис об особом «видении» государства, можно предположить, что размеры безгосударственных пространств будут меняться в зависимости от государственного интереса (который зачастую определяется количеством имеющихся ресурсов). Трактовка «безгосударственности» через интерес государства (выраженный в официальных программах развития, например) расширяет возможности применения идей Джеймса Скотта для объяснения многих современных процессов территориального развития (межрегионального неравенства, центр-периферийных контрастов, сельско-городского взаимодействия).

А. М. Никулин не раз рассуждал о творческом наследии Джеймса Скотта в контексте его актуальности для российской истории и современности (Никулин, 2022). Мы продолжаем эту линию. *Удаленное расположение от крупных центров, небольшой размер поселений, их пространственная рассредоточенность и разнообразие стратегий выживания жителей* — это сказано Скоттом о Зомии или о современной нечернозёмной глубинке?

Библиография

- Баскин Л. М., Покровский Н. Е., Николаева У. Г. (2022). Социология по земле пешком и с высоты полета квадрокоптера. Сельские дома и деревенская жизнь Ближнего Севера России (на примере Костромской области) // Крестьяноведение. Т. 7. № 4. С. 72–108.
- Великий незнакомец (1992): крестьяне и фермеры в современном мире / Пер. с англ., сост. Т. Шанин. М.
- Виноградский В. Г. (2009). «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ.
- Кузьминов В. Я. (2012) Переопределяя государство: исследование государственного видения // Социология власти. № 4–5. С. 34–63.
- Ламской К. В. (2025). Зомия: общественно-географический и страноведческий концепт // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 22. С. 77–89.
- Между домом... и домом (2016). Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Т. Г. Нефедова, К. В. Аверкиева, А. Г. Махрова. М.: Новый хронограф.
- Никулин А. М. (1999). Скотт Дж. С государственной точки зрения: как потерпели крах надежные модели совершенствования человечества // Социологический журнал. № 3/4. С. 250–254.
- Никулин А. М. (2022). Джеймс Скотт и Александр Чаянов: от крестьян через революции к государствам и анархиям // Социологическое обозрение. Т. 21. № 3. С. 202–228.
- Никулин А. М. (2024). Историческая социология сельско-городского развития Дж. К. Скотта: против упрощений // Социология власти. Т. 36. № 3. С. 223–239.

- Никулин А. М. (2025). Речной реквием // Социологическое обозрение. Т. 24. № 2. С. 289–294.
- Румянцев И. Н., Смирнова А. А., Ткаченко А. А. (2019). Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. № 1. С. 29–37.
- Самодин А. А. (2012). Оптический обман Джеймса Скотта // Социология власти. № 4–5. С. 64–76.
- Скотт Дж. (2005). Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга.
- Скотт Дж. (2017). Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Пер. с англ. И. Троцук. М.: Новое издательство.
- Скотт Дж. (2020). Против зерна: глубинная история древнейших государств / Пер. с англ. И. Троцук. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Скотт Дж. (2025). Оружие слабых. Повседневные формы крестьянского сопротивления / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский».
- Смирнова А. А. (2020). Свет, вода и детские площадки: проекты местных инициатив в Тверской области как отражение проблем территории // Крестьяноведение. Т. 5. № 2. С. 151–158.
- Смирнова А. А., Лебедев К. С. (2026). Как выявить оживающие деревни Нечерноземья: географический подход // Известия РАН. Сер. географическая. Т. 90. № S1. С. 246–257.
- Титаев К. Д. (2006). С точки зрения власти — с точки зрения подвластных. Джеймс Скотт. «Благими намерениями государства...» // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IX. № 3. С. 187–193.
- Klausen J. C. (2021). Seeing too much like a state? // Polity. Vol. 53. № 3. P. 476–484.
- Herzfeld M. (2005). Political optics and the occlusion of intimate knowledge // American Anthropologist. Vol. 107. Iss. 3. P. 369–376.
- Scott J. C. (2005). Afterword to «Moral Economies, State Spaces, and Categorical Violence» // American Anthropologist. Vol. 107. Iss. 3. P. 395–402.
- Scott J. C. (2021). Further reflections on seeing like a state // Polity. Vol. 53. № 3. P. 507–514.
- Smith N. R. (2021). Seen like a state // Polity. Vol. 53. № 3. P. 485–491.

А. А. Смирнова
Джеймс Скотт,
«невидимое» про-
странство и нечер-
ноземная деревня

James Scott, “Non-Chernozem” space and the Non-Chernozem-Region village

Alexandra A. Smirnova, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geocology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021, Russia. E-mail: Fomkina.AA@tversu.ru

Abstract. The author applies James Scott’s concept of “nonstate spaces” to contemporary rural areas in Russia’s Non-Black Earth Region. The article considers Scott’s intellectual legacy, highlighting his key ideas relevant to geography; explains the dichotomy between “state” and “nonstate” spaces through their constitutive features, including population density, agricultural specialization and accuracy of bureaucratic record-keeping; develops the concept of “state’s seeing” as a simplified perception of territory in the official discourse. As an example of “invisible” places for the Russian statistics, the study focuses on rural settlements officially classified as “without population” in the national census. Such villages vary greatly: some are wastelands that are almost inaccessible, others look like ordinary villages but with seasonal residents, mostly urban dwellers. The Non-Black Earth regions rank first in the number of settlements “without population” due to their natural features, settlement history and contemporary social-economic processes. Based on the results of field studies in the Tver Region, the au-

thor identifies the main mechanisms for “seeing” such spaces: direct observation, analysis of the remote sensing data, and interviews with local experts, mainly heads of rural settlements or specialists of territorial administrations. The presence of local authorities does not guarantee knowledge of the territory — it depends on the expert’s initiative, competencies and *metis* (practical knowledge). On the example of villages in the former Alferovskoe rural settlement of the Kalyazin municipal district the author shows how the number of population changes with the inflow of seasonal residents and what problems arise from the undercounting of dacha owners.

Key words: James Scott, state simplifications, state space, state vision, Non-Black Earth Region, rural areas, settlements “without population”, dacha revitalization

References

- Baskin L., Pokrovsky N., Nikolaeva U. (2022) Sotsiologiya po zemle peshkom i s vysoty poleta kvadroptera. Selskie doma i derevenskaya zhizn Blizhnego Severa Rossii (na primere Kostromskoy oblasti) [Sociology on foot and from quadcopter. Rural households and village life in the Near North of Russia (on the example of the Kostroma Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 4, pp. 72–108.
- Herzfeld M. (2005) Political optics and the occlusion of intimate knowledge. *American Anthropologist*, vol. 107, no 3, pp. 369–376.
- Klausen J. C. (2021) Seeing too much like a state? *Polity*, vol. 53, no 3, pp. 476–484.
- Kuzminov V. Ya. (2012) Pereopredelyaya gosudarstvo: issledovanie gosudarstvennogo videniya [Redefining the state: A study of the state vision]. *Sotsiologiya Vlasti*, no 4–5, pp. 34–63.
- Lamskoy K. V. (2025) Zomia: obshchestvenno-geografichesky i stranovedchesky kontsept [Zomia: A social-geographical and regional-geographical concept]. *Voprosy Ekonomicheskoy i Politicheskoy Geografii Zarubezhnykh Stran*, vol. 22, pp. 77–89.
- Mezhdru domom... i domom* (2016) *Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home... and Home. Return Spatial Mobility in Russia]. Ed. by T. Nefedova, K. Averkiva, A. Makhrova, Moscow: Novy khronograf.
- Nikulin A. M. (1999) Scott J. S gosudarstvennoj tochki zreniya: kak poterpeli krah nadezhnye modeli sovershenstvovaniya chelovechestva [Scott J. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. *Sotsiologichesky Zhurnal*, no 3–4, pp. 250–254.
- Nikulin A. M. (2022) James Scott i Alexander Chayanov: ot krestyan cherez revolyutsii k gosudarstvam i anarkhiyam [James Scott and Alexander Chayanov: From the peasantry through revolutions to the states and anarchies]. *Russian Sociological Review*, vol. 21, no 3, pp. 202–228.
- Nikulin A. M. (2024) Istoricheskaya sotsiologiya selsko-gorodskogo razvitiya J. C. Scotta: protiv uproshchenij [Historical sociology of rural-urban development by James Scott: Against simplifications]. *Sotsiologiya Vlasti*, vol. 36, no 3, pp. 223–239.
- Nikulin A. M. (2025) Rechnoj rekviem [River requiem]. *Russian Sociological Review*, vol. 24, no 2, pp. 289–294.
- Rumyantsev I. N., Smirnova A. A., Tkachenko A. A. (2019) Selskie naselennyye punkty “bez naseleniya” kak geografichesky i statistichesky fenomen [Rural settlements “without population” as a geographical and statistical phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 1, pp. 29–37.
- Samodin A. A. (2012) Optichesky obman Jamesa Scotta [Optical illusion of James Scott]. *Sotsiologiya Vlasti*, no 4–5, pp. 64–76.
- Scott J. C. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis proekty uluchsheniya uslovij chelovecheskoj zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Scott J. C. (2005) Afterword to “Moral Economies, State Spaces, and Categorical Violence”. *American Anthropologist*, vol. 107, no 3, pp. 395–402.

- Scott J. C. (2017) *Iskusstvo byt nepodvlastnym: Anarhicheskaya istoriya vysokogorij Yu-go-Vostochnoj Azii* [The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Scott J. C. (2020) *Protiv zerna: glubinnaya istoriya drevnejshih gosudarstv* [Against the Grain: A Deep History of the Earliest States], Moscow: Izdatelsky dom "Delo" RANKhiGS.
- Scott J. C. (2021) Further reflections on seeing like a state. *Polity*, vol. 53, no 3, pp. 507–514.
- Scott J. C. (2025) *Oruzhie slabyh. Povsednevnye formy krestyanskogo soprotivleniya* [Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance], Moscow: Izd-vo knizhnogo magazina "Tsiolkovsky".
- Smirnova A. A. (2020) Svet, voda i detskie ploshchadki: proekty mestnyh initsiativ v Tverskoj oblasti kak otrazhenie problem territorii [Light, water and playgrounds: Local initiatives in the Tver Region as reflecting the territorial challenges]. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 2, pp. 151–158.
- Smirnova A. A., Lebedev K. S. (2026) Kak vyjavit ozhivayushchie derevni Nechernozemya: geograficheskij podkhod [How to identify reviving villages of the Non-Black Earth Region: A geographical approach]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, vol. 90, no S1, pp. 246–257.
- Smith N. R. (2021) Seen like a state. *Polity*, vol. 53, no 3, pp. 485–491.
- Titaev K. D. (2006) S tochki zreniya vlasti — s tochki zreniya podvlastnyh. James Scott. "Blagimi namereniyami gosudarstva..." [From the power perspective — from the subordinate's perspective. James Scott's "Seeing Like a State..."]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Antropologii*, vol. IX, no 3, pp. 187–193.
- Veliky neznakomets: krestyane i fermery v sovremennom mire* (1992) [The Great Stranger: Peasants and Farmers in the Modern World]. Comp. by. T. Shanin, Moscow.
- Vinogradsky V. G. (2009) *"Orudiya slabyh": tekhnologiya i sotsialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo sushchestvovaniya* [«Weapons of the Weak»: Technology and Social Logic of the Everyday Peasant Life], Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU.

А. А. Смирнова
Джеймс Скотт,
«невидимое» про-
странство и нечер-
ноземная деревня